

Научная статья
УДК 342.56
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17

Original article

НУРМУХАМЕТОВ Руслан Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
ruslan.haker.93@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0002-3639-8340>

NURMUKHAMEDOV Ruslan Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

МЕЖДУ ПРИМИРЕНИЕМ И ФОРМАЛИЗМОМ: КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ

BETWEEN RECONCILIATION AND FORMALISM: CRISIS PHENOMENA IN PRIVATE
PROSECUTION CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Аннотация. Институт частного обвинения, сохраняя свою историческую преемственность с момента реформ 1864 г., занимает особое место в системе российского уголовного судопроизводства и олицетворяет баланс между частными и публичными началами. Однако в последнее время данный институт испытывает системный кризис, обусловленный противоречиями между декларируемой диспозитивностью и фактическим доминированием публично-правовых средств регулирования. Чрезмерная формализация процедуры, процессуальное неравенство сторон, ограничение возможностей для подлинного примирения и организационные проблемы, связанные с перегрузкой мировых судей, подрывают саму сущность частного обвинения как механизма доступного и эффективного правосудия. Цель: анализ кризисных явлений в производстве по уголовным делам частного обвинения и выработка научно обоснованных предложений по его совершенствованию. Методы: исторический метод применен для ретроспективного анализа генезиса рассматриваемого института и выявления его первоначальной сущности; сравнительно-правовой метод – для сопоставления теоретической модели частного обвинения и сложившейся судебной практики; логико-юридический метод и формально-догматический анализ – для исследования действующих уголовно-процессуальных норм, выявления в них противоречий и пробелов; системный анализ позволил рассмотреть частное обвинение как элемент всей системы уголовного судопроизводства, выявить взаимосвязь процессуальных проблем с организационными. Результаты: обнаружен ряд критических процессуальных проблем в системе частного обвинения. Формализация процедуры возбуждения дел частного обвинения, требующая от потерпевшего составления подобия обвинительного акта, приводит к тому, что большая часть заявлений возвра-

Abstract. The institution of private prosecution, maintaining its historical continuity since the reforms of 1864, occupies a special place in the Russian criminal justice system and embodies a balance between private and public principles. However, recently this institution has been facing a systemic crisis, caused by contradictions between its declared dispositive nature and the actual dominance of public law regulatory means. Excessive procedural formalization, procedural inequality of the parties, limited opportunities for genuine reconciliation, and organizational problems associated with the overload of justices of the peace undermine the very essence of private prosecution as a mechanism for accessible and effective justice. Purpose: To analyze the crisis in private prosecution criminal proceedings and to develop scientifically sound proposals for its improvement. Methods: the historical method is used to retrospectively analyze the genesis of the institute in question and to identify its initial essence; the comparative legal method is used to compare the theoretical model of private prosecution and established judicial practice; the logical legal method and the formal dogmatic analysis are used to study the current criminal procedural norms and to identify contradictions and gaps in them; the systemic analysis makes it possible to consider private prosecution as an element of the entire criminal justice system and to reveal the relationship between procedural and organizational problems. Results: The study identifies a number of critical procedural problems in the private prosecution system. The formalization of the procedure for initiating private prosecution cases, requiring the victim to draft a semblance of an indictment, results in the majority of applications being returned by justices of the peace due to non-compliance with formal requirements, thereby discrediting the idea of accessible justice. The institute of reconciliation, historically the core

щается мировыми судьями из-за несоответствия формальным требованиям, что дискредитирует идею доступности правосудия. Институт примирения, исторически являвшийся ядром частного обвинения, подвергся серьезным изменениям: ограничение возможности примирения моментом удаления суда в совещательную комнату лишает стороны гибкости, большинство примирений носят формальный характер, будучи обусловленными либо стремлением суда оптимизировать рабочую нагрузку, либо осознанием потерпевшим невозможности доказать обвинение. Организационные проблемы особенно остро проявляются в условиях чрезмерной нагрузки на мировых судей, что делает невозможным качественное рассмотрение дел, которое основывается на индивидуальном подходе к сторонам, превращая производство в конвейер, где главной целью становится формальное вынесение решения, а не разрешение конфликта.

Ключевые слова: судебная система, мировые судьи, мировая юстиция, правосудие, подсудность, приговор, дела частного обвинения

Для цитирования: Нурмухаметов Р.Н. Между примирением и формализмом: кризисные явления в производстве по уголовным делам частного обвинения в России / Р.Н. Нурмухаметов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 142–151.

of private prosecution, has undergone significant changes: limiting the possibility of reconciliation to the moment the court retires to chambers deprives parties of flexibility, and most reconciliations are formal, being conditioned either by the court's desire to optimize its workload or by the victim's realization of the impossibility of proving the charge. Organizational problems are particularly acute in the context of excessive workload for justices of the peace, making it impossible to provide a quality review of cases that relies on an individual approach to the parties. This turns legal proceedings into a mere production line, where the focus shifts from resolving disputes to the perfunctory issuance of decisions.

Keywords: judicial system, justices of the peace, justice of the peace, justice, jurisdiction, sentence, private prosecution cases

For citation: Nurmukhametov R.N. Between Reconciliation and Formalism: Crisis Phenomena in Private Prosecution Criminal Proceedings in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 142–151. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17.

ВВЕДЕНИЕ

Институт частного обвинения, являющийся одним из старейших элементов российской правовой системы, воплощает фундаментальные принципы диспозитивности и частной инициативы в уголовном судопроизводстве. Его сущность заключается в праве потерпевшего самостоятельно инициировать уголовное преследование за деяния, посягающие, прежде всего, на личные права. Исторический путь этого института отражает становление и развитие соотношения частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве, определяемое социально-политическим контекстом эпохи.

Несмотря на богатую историю, в настоящее время имеются недостатки в правовом регулировании мировой юстиции и процедуры рассмотрения уголовных дел частного обвинения, которые проявляются в ряде системных проблем: в чрезмерной формализации процедуры возбуждения дел, создающей непреодолимые барьеры для потерпевших; фактическом неравенстве сторон в процессе

доказывания; сохранении полномочий прокурора по вмешательству в частноправовой спор. Немаловажный фактор, усугубляющий ситуацию, – хроническая загруженность мировых судей, в производстве которых находятся дела частного обвинения, поэтому производство по данной категории дел зачастую приобретает черты формального конвейера, где достижение целей восстановительного правосудия и действительного разрешения конфликта отходит на второй план.

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Впервые в истории российского уголовного процесса процедура рассмотрения дел частного обвинения была регламентирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС)¹, заложившем концептуаль-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1864. Т. 39, № 41476 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=215&part=807 (дата обращения: 04.04.2025).

ные основы этого института. В ст. 5 УУС были закреплены категории дел, возбуждаемых исключительно по жалобе потерпевшего и допускаявших их прекращение через примирение, что отражало диспозитивную природу частного обвинения как «уголовного иска». И.Я. Фойницкий писал, что «обвинение есть тот же иск, но не частный и материальный, как иск гражданский, а публичный и индивидуальный, сообразно особым свойствам уголовного дела... По процессуальной их природе оба являются требованиями, обращаемыми к лицу судебной власти и создающими для последней обязанность производства дела в судебном порядке...» [1, с. 2]. Следует отметить, что УУС предусматривал широкий перечень составов: оскорбление чести, клевета и даже имущественные преступления, совершаемые в отношении близкого родственника. Такая модель базировалась на теории уголовного иска, подчеркивавшей сходство между гражданским и уголовным судопроизводством в сфере защиты частных интересов, где потерпевший выступал равноправной стороной процесса с правом примирения на любой стадии. В.А. Рязановский отмечал, что «...право на иск, будет ли этот иск гражданским, уголовным или административным, имеет одну и ту же природу. Иск есть притязание, обращенное к государству в лице суда о постановлении объективно правильного судебного решения» [2, с. 31]. Правильным является суждение, что «...на ранних стадиях развития государства все дела разрешались в рамках частносудостязательного процесса искового типа, и фактически не существовало различия между гражданским и уголовным судопроизводством» [3, с. 290].

Тезис о единой исковой основе древнего судопроизводства абсолютно верен и подтверждается историко-правовыми исследованиями. Действительно, архаичные правовые системы не знали разделения на уголовное и гражданское судопроизводство, конфликты разрешались в рамках единой «частно-судостязательной» или «исковой» модели. В древнерусском праве любое нарушение воспринималось как «обида» – личный вред, требующий сатисфакции. Процесс начинался исключительно по инициативе потерпевшего через по-

дачу «иска» («требования к обидчику»), а суд выступал арбитром в состязании сторон².

Можно выделить следующие ключевые характеристики универсальной исковой формы, характерной для судопроизводства по делам частного обвинения:

- отсутствие государственного обвинения – процесс инициировался исключительно потерпевшим («обиженным»);
- спор рассматривался как конфликт между конкретными лицами, а не между «лицом и государством»;
- диспозитивность судопроизводства, так как стороны до или во время разбирательства могли заключить «мировое соглашение»;
- наказание заключалось в возмещении ущерба.

Последующее разделение уголовного и гражданского процессов было связано с формированием концепции «публичного вреда» от преступления.

После 1917 г., когда Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 упразднил мировые суды, опорная структура частного обвинения перестала существовать³. Советский период характеризовался последовательным вытеснением диспозитивных начал в угоду публичным интересам. Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. формально сохранил преследование по частной жалобе за «нарекания, клевету и оскорбления», но ввел идеологический фильтр: исключение из уголовно наказуемых деяний составляли случаи с «хулиганским характером действий» или оскорбление представителей государства⁴.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг.⁵, закрепив исчерпывающий

2 Русская Правда // Российское законодательство. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 28–132 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/1874382> (дата обращения: 05.07.2025).

3 О суде : декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 06.10.1918 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Об уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 25.05.1922 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечень преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения (умышленные легкие телесные повреждения, побои, клевета и оскорбление), принципиально порвали с дореволюционной традицией, что отражало идеологический поворот к доминированию публичных начал в уголовном судопроизводстве. По сравнению с УУС, который относил достаточно большое количество составов к делам частного обвинения, советский законодатель сознательно сузил эту сферу. Сужение не было техническим, а носило системный характер и отражало концептуальный отказ от понимания преступления как «обиды», требующей удовлетворения. Важно отметить, что, несмотря на отсутствие легального определения дел частного обвинения и рассредоточенность соответствующих норм в тексте кодексов, сам факт их сохранения в условиях тотальной перестройки правовой системы на публичных началах свидетельствует о практической невозможности полностью устранить элемент частной инициативы из уголовного преследования. Однако данное правовое регулирование имело урезанный характер, так как право прокурора в любой момент вступить в дело «в целях охраны публичного интереса» (ст. 10 УПК РСФСР 1923 г.) фактически подчиняло частное обвинение государственной воле, лишая его ключевого диспозитивного элемента – безусловного права потерпевшего на примирение с обвиняемым.

Таким образом, УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не развивали, а ограничивали институт частного обвинения, превращая его из полноценного механизма защиты частного права в узкую, контролируруемую государством процедуру для второстепенных конфликтов.

УПК РСФСР 1960 г.⁶ формально сохранил производство по делам частного обвинения, но окончательно подчинил его логике публичности, что стало апогеем идеологического неприятия диспозитивных начал в советском уголовном процессе. Несмотря на отсутствие в Кодексе термина «частное обвинение», законодатель закрепил в ст. 27 право прокурора не только вступать в любое дело, но и возбуждать его без жалобы потерпевшего под пред-

логом «особого общественного значения» или «беспомощного состояния» потерпевшего и тем самым институционально утвердил верховенство государственной воли над частным интересом. Эта законодательная конструкция, где потерпевший был низведен до статуса пассивного заявителя, а его право на распоряжение обвинением стало условным, получила полное теоретическое обоснование в господствующей доктрине. Ученые-процессуалисты единодушно трактовали диспозитивность как чуждый «буржуазный» пережиток, а частное обвинение – как аномалию, противоречащую плановости и целесообразности советского правосудия [4, с. 152]. Таким образом, УПК РСФСР 1960 г. завершил трансформацию частного обвинения из правового механизма защиты личности в инструмент государственного контроля над частным конфликтом.

В УПК РФ нормы о частном обвинении выделены в отдельную главу «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье». Законодатель, вопреки радикальным предложениям советских теоретиков об упразднении института, не только сохранил частное обвинение, но и структурно обособил его регулирование, что можно расценить как частичную реабилитацию частных начал уголовного судопроизводства.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Возрождение института частного обвинения, несмотря на цель законодателя повысить доступность правосудия, не обошлось без комплекса системных проблем, обусловленных как внутренними процессуальными противоречиями, так и отдельными условиями его реализации. Ключевой парадокс современной модели заключается в формальном признании частных начал при сохранении доминирующей роли публичных, что порождает фундаментальный дисбаланс между правами частного обвинителя и его реальными процессуальными возможностями. В соответствии с УПК РФ дела частного обвинения подсудны мировому судье. Однако имеется ограничение, связанное с тем, что «...к юрисдикции мирового судьи относятся лишь те дела частно-

⁶ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с кодексом) : Закон РСФСР от 27.10.1960 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го обвинения, по которым лицо, совершившее преступление, известно потерпевшему, когда вопрос о раскрытии преступления вообще не стоит, и именно поэтому в участии государственных органов уголовного преследования нет необходимости»⁷.

К делам частного обвинения относятся уголовные дела о следующих преступлениях: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116.1 УК РФ), клевета (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ). В работах процессуалистов можно встретить предложение расширить перечень дел частного обвинения за счет включения некоторых преступлений публичного обвинения и тем самым адаптировать уголовный процесс к специфике межличностных конфликтов, особенно в семейно-бытовой сфере. Однако реализация этого предложения требует тщательного анализа преимуществ, рисков и возможных правовых коллизий [5, с. 22].

В качестве аргументов «за» можно назвать:

- перевод части дел публичного обвинения в частное обвинение уменьшит объем работы следственных органов;

- потерпевший получит возможность самостоятельно инициировать и контролировать производство по делу в полном объеме, что повышает его доверие к судебной системе.

Доводами «против» являются:

- сложность доказывания для потерпевшего. Например, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 117 и 121 УК РФ, требуют производства медицинских экспертиз и профессионального расследования. Потерпевший, не имея доступа к ресурсам следствия, может оказаться не в состоянии собрать доказательства;

- проблемы квалификации. Например, по делам о причинении тяжкого вреда по неосторожности требуется установление формы вины, что для частного обвинителя станет сложной задачей [6].

Параллельно с обоснованием необходимости сохранения и совершенствования института частного обвинения в доктрине уголовного

процесса существует и принципиально иная, критическая позиция, представители которой ставят под сомнение саму целесообразность его выделения в качестве самостоятельной формы судопроизводства. Сторонники этого подхода, опираясь на строго публичную природу современного уголовного права, утверждают, что обвинение по своей сути всегда является публичным. Они рассматривают жалобу потерпевшего по делам так называемого частного обвинения не как акт выдвижения обвинения, а лишь как процессуальный повод для возбуждения уголовного дела, после чего государство в лице суда принимает на себя всю полноту ответственности за разрешение уголовно-правового конфликта.

В.С. Джатиев указывает, что «обвинение всегда публично, а особенности возбуждения и прекращения отдельных категорий уголовных дел не имеют прямого отношения к обвинению... по делам частного обвинения никакого обвинения быть не может, поскольку обвинение потерпевшего (его жалоба) является не чем иным, как поводом к возбуждению уголовного дела, и не может расцениваться как акт привлечения в качестве обвиняемого» [7, с. 18]. А по мнению Н.В. Азарёнка, «дела частного обвинения предстают в привычном смешанном уголовном производстве континентального типа как "кусочек" состязательной англосаксонской системы, и казалось бы, должны стать "образцом для подражания" в развитии всей уголовно-процессуальной деятельности в состязательном направлении» [8, с. 21].

Особенности возбуждения и прекращения дел рассматриваемой категории, связанные с волей потерпевшего, являются лишь частными случаями действия диспозитивности в рамках единого, публичного по своей сути уголовного процесса и не образуют достаточных оснований для конструирования отдельной процессуальной формы. Так, жалоба частного лица не может быть приравнена к акту привлечения в качестве обвиняемого, исходящему от органа государственного уголовного преследования, поскольку частный обвинитель не обладает властными полномочиями и не несет той же процессуальной ответственности. Эта точка зрения акцентирует внимание на том, что ключевые процессуальные действия (исследование доказательств, юри-

⁷ Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд., перераб. и доп. М., 2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дическая квалификация, постановление приговора) остаются прерогативой государственного органа – мирового судьи, что, по мнению критиков, низводит специфику частного обвинения до уровня второстепенной процедуры возбуждения. Данная позиция, являясь прямым отголоском советской процессуальной доктрины с ее акцентом на всеобъемлющую публичность, подчеркивает внутренние противоречия современной модели, в которой декларируемая диспозитивность постоянно ограничивается императивными нормами и контролем со стороны государства.

Мы абсолютно не согласны с такой позицией и считаем важным наличие института частного обвинения в современной России. В.В. Дорошковым верно отмечено: «деятельность потерпевших по делам частного обвинения является не чем иным, как выполнением обвинительной функции, осуществление которой государство оставило за жертвами преступлений» [9, с. 25].

Острой проблемой остаются процессуальные коллизии возбуждения дел частного обвинения. Требования к форме и содержанию заявления, установленные ч. 5 ст. 318 УПК РФ, фактически возлагают на потерпевшего обязанность по составлению подобия обвинительного акта: необходимо указать данные о подсудимом, описать событие преступления, перечислить доказательства и свидетелей. Однако, в отличие от государственного обвинителя, частный обвинитель не обладает достаточными полномочиями по сбору доказательств. Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что до 40 % заявлений возвращаются мировыми судьями именно из-за формальных несоответствий, а это дискредитирует саму идею доступности правосудия⁸.

Роль прокурора и мирового судьи в делах частного обвинения имеет внутренние противоречия. Право прокурора вступить в дело на любой стадии (ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ), хотя и формально направленное на защиту публичных интересов, на практике может привести к произвольному вмешательству в

частноправовой спор. Это вмешательство, лишаящее стороны права на примирение, противоречит самой природе частного обвинения как механизма защиты личных, а не государственных интересов. Деятельность мирового судьи также характеризуется двойственностью: с одной стороны, он должен сохранять нейтральность арбитра, с другой – вынужден активно помогать частному обвинителю в собирании доказательств (ч. 2 ст. 319 УПК РФ). Эта помощь, однако, несистемна и зависит от усмотрения конкретного судьи, что приводит к неравенству правовых позиций сторон в зависимости от судебного участка.

Проблема переквалификации тоже может создавать определенные трудности. Если в ходе судебного разбирательства выяснится, что деяние содержит признаки более тяжкого преступления, не относящегося к частному обвинению, мировой судья обязан прекратить производство и направить материалы руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения (ч. 6 ст. 321 УПК РФ). Эта процедура, формально нацеленная на обеспечение законности, на практике может привести к волоките и многократному увеличению сроков рассмотрения уголовного дела. Потерпевший, уже прошедший через процедуру частного обвинения, будет вынужден заново проходить стадию предварительного расследования, что свидетельствует о системной разобщенности между разными формами уголовного преследования.

Организационные проблемы, прежде всего чрезмерная нагрузка на мировых судей, также усугубляют положение частного обвинения. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, на одного мирового судью в среднем приходится более 30 дел частного обвинения в месяц, что делает невозможным качественное проведение примирительных процедур и исключает индивидуальный подход к сторонам [11, с. 43]. В этих условиях производство по делам частного обвинения приобретает черты конвейера, где главной целью становится не разрешение конфликта, а формальное вынесение решения.

Институт примирения сторон, составляющий историческое ядро частного обвинения,

⁸ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2024 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

на современном этапе тоже подвергся существенной деформации. Ограничение возможности примирения моментом удаления суда в совещательную комнату (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) лишает стороны гибкости, характерной для дореволюционной модели. Более серьезной проблемой является формализация примирительных процедур. Анализ судебной практики свидетельствует, что до 70 % примирений совершаются под давлением судей, заинтересованных в снижении нагрузки, либо вследствие осознания потерпевшим невозможности доказать обвинение [10, с. 149]. Такое «вынужденное примирение» не только не разрешает конфликт, но и дискредитирует саму идею восстановительного правосудия. Слабое развитие досудебной медиации, которая могла бы стать эффективной альтернативой, усугубляет эту проблему.

Все указанные недостатки свидетельствуют о глубоком системном кризисе института частного обвинения. Сохраняя внешние атрибуты диспозитивности, современная модель фактически воспроизводит советскую парадигму подчинения частного интереса публичному, лишая потерпевшего реальной процессуальной автономии. Решение существующих проблем требует концептуального пересмотра места и роли частного обвинения в системе уголовного судопроизводства с учетом как исторического опыта, так и современных потребностей в эффективном и справедливом правосудии.

Пути совершенствования института частного обвинения

Какие меры по модернизации института частного обвинения, включая процессуальные, организационные и технологические новации, способны восстановить его искковую природу и обеспечить реальную доступность правосудия?

Упрощение процедуры возбуждения дел частного обвинения и обеспечение доступа к правосудию – первоочередная задача, поскольку чрезмерно формализованный порядок подачи заявления создает непреодолимые барьеры. Волонтерская помощь является одним из возможных средств решения данной проблемы. Такая помощь необходима для разъяснения порядка обращения и оказания содействия в составлении заявлений. Ее могут

оказывать сотрудники бесплатных первичных юридических консультаций, организованных при судах, или студенты-юристы выпускных курсов, которых необходимо наделить правом участия в судебных заседаниях.

Создание эффективных механизмов содействия в доказывании необходимо для преодоления кризиса состязательности, вызванного тем, что бремя доказывания целиком возложено на частного обвинителя. Закрепление в УПК РФ процедуры, предусматривающей обязательное содействие сторонам мировым судьей в собирании доказательств (например, медицинских документов, записей с камер видеонаблюдения, официальных справок), стало бы важной гарантией равенства сторон. Наиболее радикальной, но эффективной мерой могло бы стать возрождение института судебных следователей – должностных лиц при суде, уполномоченных по поручению судьи проводить отдельные следственные действия для установления фактических обстоятельств дела по ходатайству стороны. Это особенно актуально в условиях, когда частный обвинитель не обладает полномочиями по собиранию доказательств.

Развитие примирительных процедур и восстановительного правосудия является одним из способов повышения эффективности правосудия по уголовным делам частного обвинения. Досудебное примирение позволит разгрузить суды и разрешать конфликты в более неформальной обстановке и в кратчайшие сроки. Повышение эффективности судебной медиации должно включать введение обязательной специальной подготовки мировых судей и их помощников в области медиативных техник, а также законодательное закрепление возможности отложения разбирательства для проведения примирительных процедур.

Медиация, как процедура переговоров с участием нейтрального посредника (медиатора), основана на принципах добровольности, конфиденциальности, беспристрастности и равноправия сторон. Ключевые преимущества, подтвержденные практикой применения во многих странах мира, делают ее эффективным инструментом для урегулирования дел частного обвинения.

Мы считаем, что преимуществами медиации по делам частного обвинения являются следующие:

– процедура медиации обычно требует меньше времени и финансовых затрат, нежели полноценное судебное разбирательство, что снижает процессуальные издержки сторон;

– в отличие от судебного процесса, который часто обостряет конфликт, медиация позволяет сторонам сохранить или восстановить нормальные отношения. Это особенно ценно в спорах между соседями, родственниками, коллегами;

– соглашение, достигнутое в ходе медиации, в большей степени удовлетворяет интересы обеих сторон, поскольку выработано ими самостоятельно. Как следствие, такие соглашения исполняются добровольно, так как стороны чувствуют свою ответственность за достигнутый результат;

– при наличии доброй воли сторон вероятность достижения согласия в процедуре медиации, по оценкам практиков, превышает 80 %, что свидетельствует о ее высокой эффективности в урегулировании конфликтов [12, с. 185].

Примеры из судебной практики также иллюстрируют положительные стороны процедуры медиации. Так, в производстве мирового судьи судебного участка № 4 по г. Октябрьский Республики Башкортостан рассматривалось уголовное дело о клевете (ст. 128.1 УК РФ). Стороны занимали непримиримую позицию, что могло привести к длительному и затратному судебному разбирательству с непредсказуемым результатом. После прохождения процедуры медиации стороны не только урегулировали спор, но и принесли извинения друг другу, восстановив добрососедские отношения⁹.

Для того чтобы медиация стала эффективным инструментом, необходимы скоординированные усилия государства, профессионального сообщества и образовательных учреждений по следующим ключевым направлениям.

1. Просветительская работа и популяризация примирительных процедур. В российском правовом поле до сих пор сохраняется значительный информационный барьер, препятствующий развитию медиации. Согласно некоторым исследованиям около 51 % клиентов юридических фирм практически ничего не

знают о медиации, 28 % знакомы с ней лишь поверхностно [13, с. 12]. В этой связи необходимы масштабные информационные кампании, разъясняющие гражданам и организациям преимущества процедуры медиации.

2. Качественная подготовка медиаторов и формирование профессиональной среды. Крайне важно владение медиаторами не только правовыми, но и психологическими и коммуникативными техниками. Для отдельных регионов России особую значимость приобретает подготовка медиаторов, знакомых с местными обычаями и традициями, что повысит уровень доверия к процедуре и ее эффективность.

3. Законодательное обеспечение и исполнение медиативных соглашений. Основной опасностью использования альтернативных методов разрешения споров является тревога относительно юридической силы достигнутых соглашений. В этой связи необходимо законодательно закрепить процедуру утверждения мирового соглашения, достигнутого в результате медиации по уголовным делам, подсудным мировым судьям. Это позволит имплементировать в уголовный процесс принципы восстановительного правосудия.

4. Обеспечение надежных механизмов принудительного исполнения медиативных соглашений, чтобы придать сторонам уверенность в достижении результата.

5. Интеграция онлайн-платформ и цифровых технологий, использование которых способно совершить переворот в доступности медиации. Онлайн-медиация снимает географические барьеры, экономит время и ресурсы участников, может проводиться через удобные и безопасные платформы.

6. Применение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), в первую очередь для автоматизации рутинных процессуальных действий, что позволит автоматически проверять соответствие заявлений частного обвинителя требованиям закона, выявлять формальные недостатки и снижать количество возвратов заявлений.

ИИ может применяться и для формирования типовых проектов процессуальных документов, осуществлять предварительную категоризацию дел по степени сложности и приоритетности рассмотрения, что позволит оптимизировать распределение нагрузки на судей.

⁹ Архив судебного участка № 4 по г. Октябрьский Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-7/2023.

Специализированные ИИ-сервисы могут оказывать информационную поддержку при рассмотрении дел частного обвинения:

- осуществлять анализ судебной практики по аналогичным делам;
- проверять наличие оснований для прекращения дела в связи с примирением сторон;
- выявлять противоречия в показаниях сторон и формировать перечень обстоятельств, требующих дополнительного установления.

Компенсация дисбаланса в возможностях сторон по собиранию доказательств с использованием технологий ИИ может включать:

- разработку доступных онлайн-инструментов для формирования доказательственной базы;
- создание интеллектуальных шаблонов для подготовки ходатайств об истребовании доказательств;
- внедрение систем автоматизированного анализа представленных доказательств на предмет их относимости и допустимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования выявлены проблемы в системе частного обвинения, которые свидетельствуют о наличии кризиса данного института. Современная модель, сохраняя формальные атрибуты диспозитивности, фактически воспроизводит советскую парадигму подчинения частного интереса публичному, что лишает потерпевшего реальной процессуальной автономии. Анализ показал, что ключевые проблемы включают чрезмерную формализацию процедуры возбуждения дел, значительную деформацию института примирения,

а также высокий уровень нагрузки на мировых судей. Проблемы переквалификации деяний, возможности вмешательства должностных лиц в разбирательство по делам частного обвинения и неравенство сторон в процессе доказывания усугубляют кризисную ситуацию, превращая производство по делам частного обвинения в конвейер, где главной целью становится формальное вынесение решения, а не разрешение конфликта.

Полученные результаты исследования подтверждают необходимость концептуального пересмотра места и роли частного обвинения в системе уголовного судопроизводства с учетом исторического опыта и современных потребностей в эффективном и справедливом правосудии. Для восстановления исковой природы института предлагаются следующие меры:

- упрощение процедуры возбуждения дел через волонтерскую помощь и консультационные службы;
- создание эффективных механизмов содействия в доказывании;
- развитие примирительных процедур с включением судебной медиации и законодательное закрепление ее принципов;
- внедрение цифровых технологий и ИИ для автоматизации процессуальных действий.

Реализация этих предложений позволит повысить доступность правосудия, восстановить равенство сторон и вернуть институту частного обвинения его историческую роль как механизма защиты личных прав, что в конечном итоге повысит доверие граждан к судебной системе и обеспечит более эффективное разрешение межличностных конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/i-foynickiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/> (дата обращения: 05.07.2025).
2. Рязановский В.А. Единство процесса : монография / В.А. Рязановский. – Москва : Городец, 2024. – 80 с.
3. Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения / М.Ю. Жирова // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 4 (85). – С. 289–295.

REFERENCES

1. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. 3rd ed. Saint Petersburg, 1912. Vol. 2. Available at: <https://www.litres.ru/i-foynickiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/>.
2. Ryazanovsky V. A. Unity of the Process. Moscow, GorodetsPubl., 2024. 80 p.
3. Zhirova M.Yu. The Claimous Nature of Private Prosecution. *Bulletin of Samara State University*, 2011, no. 4 (85), pp. 289–295. (In Russian).
4. Yakub M.L. Democratic Foundations of Soviet Criminal Procedure Law. Moscow, 1960. 169 p.

4. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М.Л. Якуб. – Москва, 1960. – 169 с.
5. Апостолова Н.Н. Изменения в производстве у мирового судьи : дела честного обвинения и судебный штраф / Н.Н. Апостолова // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 21–25.
6. Балакшин В.С. Как обеспечить свободный доступ потерпевших к правосудию по делам частного / В.С. Балакшин // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти П.А. Лупинской. – Москва : Элит, 2011. – С. 298–305.
7. Джатиев В.С. Обвинение и защита / В.С. Джатиев // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17–19.
8. Азарёнок Н.В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе / Н.В. Азарёнок // Мировой судья. – 2022. – № 4. – С. 20–22.
9. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения / В.В. Дорошков. – Москва, 2001. – 272 с.
10. Кузбагаров Э.А. Примирение и посредничество как способы разрешения конфликтов (споров): от догосударственных сообществ по настоящее время / Э.А. Кузбагаров, В.А. Максимов // КриминалистЪ. – 2025. – № 1. – С. 143–151.
11. Гизатуллин И.А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации / И.А. Гизатуллин // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 42–49.
12. Мицкая Е.В. Медиация и ее применение в уголовном процессе Франции / Е.В. Мицкая // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 7 (199). – С. 183–187.
13. Климова Я.А. Медиативные процедуры в уголовном судопроизводстве / Я.А. Климова, М.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 4 (59). – С. 10–14.
5. Apostolova N.N. Changes of the Magistrate Proceedings: Private Prosecution Cases and Court Fine. *Russian Judge*, 2017, no. 4, pp. 21–25. (In Russian).
6. Balakshin V.S. How to Ensure Free Access of Victims to Justice in Private Cases. *Proof and Decision-Making in Modern Criminal Proceedings. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of P.A. Lupinskaya*. Moscow, Elit Publ., 2011, pp. 298–305. (In Russian).
7. Dzhatiev V.S. Prosecution and Defense. *Russian Justice*, 1995, no. 3, pp. 17–19. (In Russian).
8. Azarenok N.V. Cancellation of Private Prosecution Cases as Manifestation of the Search for a Balance of Public and Private Interests in the Modern National Criminal Procedure. *Magistrate judge*, 2022, no. 4, pp. 20–22. (In Russian).
9. Doroshkov V.V. Guide for Magistrates. Private Prosecution Cases. Moscow, 2001. 272 p.
10. Kuzbagarov E.A., Maksimov V.A. Reconciliation and Mediation as Ways to Resolve Conflicts (Disputes): From Pre-Governmental Communities to the Present. *Criminalist*, 2025, no. 1, pp. 143–151. (In Russian).
11. Gizatullin I.A. Judicial Workload in the Russian Justice System and Ways to Optimize It. *Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 42–49. (In Russian).
12. Mitskaya E.V. Mediation and its Application in French Criminal Proceedings. *Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 7 (199), pp. 183–187. (In Russian).
13. Klimova Ya.A., Kolosovich M.S. Mediative Procedures in Criminal Proceeding. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (59), pp. 10–14. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурмухаметов Руслан Наилевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Институт права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurmukhametov Ruslan Nailevich – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 29.10.2025. The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 29.10.2025.